

Малисевич-Гонсёр против Польши

[Malisiewicz-Gąsior – Poland] (№ 43797/98)

Постановление от 6 апреля 2006 г. [вынесено I Секцией]

Обстоятельства дела

В 1992 году г-н Керн, ставший впоследствии заместителем спикера Сейма (нижняя палата польского парламента), подал на заявительницу жалобу прокурору Лодзинского воеводства, утверждая, что она похитила его семнадцатилетнюю дочь М.К. Однако по версии заявительницы М.К. убежала из дома вместе со своим другом, с которым она давно уже поддерживала отношения (сыном заявительницы). Прокурор дал своему заместителю указание вести дело, и тот разрешил обыск в квартире заявительницы на предмет обнаружения М.К. и наркотиков. Обыск не дал результатов. Также телефон заявительницы был поставлен на прослушивание; ее на небольшой срок взяли под стражу по обвинению в похищении человека и содержали в психиатрическом отделении тюремной больницы. Утверждения о том, что заявительница похитила человека, широко освещались польскими средствами массовой информации. Заявительница ходатайствовала о передаче дела в производство прокурора, работающего за пределами Лодзинского воеводства, и ее ходатайство было удовлетворено. В сентябре 1992 года новый прокурор закрыл уголовное дело, признав обвинения в похищении человека необоснованными.

В 1993 году заявительница решила баллотироваться в качестве независимого кандидата на парламентских выборах. Во время своей избирательной кампании она написала две статьи в еженедельную газету, обвиняя г-на Керна в «злоупотреблении полномочиями», в том, что он стоял за ее арестом и помещением в психиатрическую лечебницу, прослушиванием ее телефона и обыском в ее квартире. Она также поделилась своими мыслями по поводу работы в Сенате (верхняя палата польского парламента). Впоследствии ее высказывания освещались местными радио- и телевизионными станциями. Г-н Керн подал частную жалобу, обвиняя заявительницу в клевете. В 1996 году заявительница была признана виновной; польские суды пришли к выводу, что ее комментарии о г-не Керне являлись клеветой и не соответствовали действительности, а также что она действовала в своих собственных интересах, а не в интересах общества. Она обжаловала приговор, но ее жалоба была отклонена; тем не менее, назначенное ей наказание было снижено с 18 лишения свободы условно до 12 месяцев лишения свободы условно. Апелляционные суды также согласились с тем, что «вне разумного сомнения» то обстоятельство, что у заявительницы могло сложиться впечатление, что прокуратура «зашла слишком далеко» в своей активности. В конечном итоге она должна была заплатить за публикацию приговора в национальной ежедневной газете, опубликовать в еженедельном издании, о котором шла речь, извинение перед г-ном Керном и оплатить судебные издержки.

Польский омбудсмен впоследствии пришел к выводу, что, помимо прочего, прокуроры Лодзинского воеводства нарушили закон и что суды не приняли во внимание важные доказательства, свидетельствовавшие в пользу заявительницы. Польские суды, в конце концов, решили не приводить в исполнение назначенное

заявительнице наказание в виде лишения свободы после того, как она так и не извинилась перед г-ном Керном.

Вопросы права

Европейский Суд заметил, что комментарии о г-не Керне были сделаны заявительницей в статьях, опубликованных во время ее избирательной кампании на выборах в парламент, в которых она также изложила свои политические убеждения и мысли по поводу работы в Сенате. Кроме того, эти комментарии основывались на ее личном опыте, а именно на заявлении г-на Керна о возбуждении уголовного дела и на тех событиях, которые за этим последовали. Апелляционный суд установил, что она могла испытывать субъективное ощущение, будто прокуратура Лодзинского воеводства была чересчур активна при расследовании ее дела. Более того, польский омбудсмен пришел к выводу, что некоторые прокуроры даже нарушали закон. Когда дело заявительницы было передано новому прокурору, уголовное дело в отношении нее было закрыто, поскольку прокурор посчитал выдвинутые против нее обвинения безосновательными. Следовательно, утверждения заявительницы о злоупотреблении полномочиями со стороны г-на Керна являлись не спонтанным личным выпадом в его адрес, а частью политических дебатов. Даже если некоторые ее утверждения и содержали грубые слова, они были направлены против известного политического деятеля, в отношении которого рамки допустимой критики шире, чем в отношении частного лица. Для того чтобы оправдать ограничения политических высказываний, требуются очень серьезные основания, поскольку широкие ограничения политических высказываний физических лиц, несомненно, наносят ущерб уважению к свободе выражения мнения в том государстве, где они вводятся.

Европейский Суд не разделяет мнение польских судов о том, что заявительница действовала в своих собственных интересах; темы, которые она затронула в своих статьях, затрагивали вопросы, представляющие общественный интерес. Право баллотироваться в выборах в качестве кандидата имеет первостепенную важность в системе прав, предусмотренных Конвенцией. Польские суды не приняли во внимание, что г-н Керн, будучи политическим деятелем, должен был показать более терпимое отношение к критике. Соответственно, власти Польши не приняли в расчет крайнюю важность свободных политических дебатов в демократическом обществе, особенно в контексте свободных выборов. Клевета, возведенная на политического деятеля во время ожесточенных политических дебатов, не оправдывает наказания в виде лишения свободы. Признание заявительницы виновной в том, что она во время своей предвыборной кампании выступала в прессе и по радио, утверждая факт злоупотребления полномочиями со стороны одного из самых влиятельных политиков страны, должно было бы иметь «замораживающий эффект» в отношении свободы выражения мнения в публичных дебатах вообще. В общем, в настоящем деле отсутствовало разумное соотношение пропорциональности между примененными польскими судами мерами и правомерной целью, которую они преследовали, а властям Польши не удалось соблюсти справедливое равновесие между относящимися к делу интересами.

Постановление

Европейский Суд пришел к выводу, что в данном вопросе по делу было допущено нарушение требований статьи 10 Конвенции (вынесено единогласно).

Компенсация

В порядке применения статьи 41 Конвенции. Европейский Суд присудил заявительнице 5000 евро в счет компенсации причиненного ей морального вреда.